

ЗАБЫТАЯ КЛАССИКА

(Продолжение.

Начало на 13-й стр.)

то совсем лишнее вам знать, как меня зовут, а мне — как вас зовут. Я вас назвала Альбертом, и называйтесь так, а я останусь Соланж.

— Хорошо, пусть будет так, но послушайте меня, Соланж.

— Я слушаю, Альберт.

— Вы аристократка, вы сознаетесь!

— Если бы я в этом и не созналась, вы это сами узнали бы, не правда ли? Стало быть, мое признание теряет смысл.

— И вас преследуют потому, что вы аристократка?

— Нечто в этом роде.

— И вы скрываетесь от преследований?

— На улице Феру, № 24, у тетки Ледие, муж которой был кучером у моего отца. Вы видите, у меня нет тайн от вас.

— А ваш отец?

— У меня нет тайн от вас, мой милый господин Альберт, пока дело касается меня. Но тайны моего отца — не мои. Мой отец тоже скрывается, выжидая случая эмигрировать. Вот все, что могу сказать.

— А вы, что вы думаете делать?

— Уехать с отцом, если это будет возможно; если это окажется невозможным, он уедет один, а я потом присоединюсь к нему.

— И сегодня вечером вы возвращались, когда вас арестовали, после свидания с отцом?

— Да.

Вы видели, что случилось?

открыла дверь. Каждый из нас явился раньше назначенного. Я бросился к ней навстречу.

— Я вижу, у вас хорошие вести, — сказала она улыбаясь.

— Отличные! Во-первых, вот вам пропуск.

— Во-первых, о моем отце! — она оттолкнула пропуск.

— Ваш отец спасется, если пожелает. Нужно, чтобы он доверился мне.

— Это уже сделано.

— Вы его видели? Вы опять подвергали себя риску?

— А что же делать! Это нужно, и Бог да хранит меня!

— Вы все сказали вашему отцу?

— Я сказала, что вчера вы спасли мне жизнь и завтра, быть может, спасете его.

— Только... — сказал я нерешительно.

— Вам нельзя будет ехать с ним.

— Мое решение на этот счет принято.

— Немного погодя я смогу достать вам паспорт.

— Поговорим о моем отце, а обо мне потом.

— Хорошо! Я вам сказал, у меня есть друзья. Я видел одного из них. Вы знаете этого человека по имени, имя его — гарантия храбрости, лояльности и чести.

— И это имя?

— Марсо.

— Господин Марсо? Вы правы, если этот человек обещал, он сдержит слово.

— Ну да! Он обещал.

Боже! Какое вы мне приносите счастье!

пропуска.

— Вот мой.

— А вы?

— О, меня знают.

— Где живет Марсо?

— По Университетской улице, № 40, у сестры своей мадемуазель Дегравие-Марсо.

— Вы пойдете со мною?

— Пойду, чтобы, когда вы войдете, отвести мадемуазель домой.

Он надел шляпу и потушил огонь. Мы спустились при свете лунного луча, светившего в окна лестницы. У двери он взял под руку дочь, пошел направо по улице Сен-Пер к Университетской. Я шел сзади в 10 шагах.

Мы дошли до № 40, никого не встретив. Он вошел. Соланж пошла за ним. Прежде чем войти, пожала мне руку.

Через 10 минут дверь открылась.

— Ну что?

— Ну! — воскликнула она. — Ваш друг достоин быть вашим другом. Он так же деликатен, как вы. Он понимает, что я счастлива остаться с отцом до его отъезда. Его сестра устроит мне постель в своей комнате. Завтра в 3 часа пополудни отец будет вне всякой опасности. Завтра в 10 вечера, если хотите получить благодарность от дочери, которая вам обязана спасением отца, приходите на улицу Феру.

— Конечно, приду. Отец ничего не поручил передать мне?

— Просил передать вам ваш пропуск, поблагодарить вас и прислать меня к нему как можно скорее.

после казни; эти опыты показали мне, что страдание ощущалось после казни и было ужасным. К сожалению, у меня не было недостатка в объектах опыта.

Казни были в полном разгаре, гильотинировали 30, 40 человек в день, на площади Революции проливался такой поток крови, что пришлось выкопать для ее стока яму глубиной в 3 фута. Яма была покрыта досками.

Ребенок 8 или 10 лет шел по доскам, доски раздвинулись, ребенок упал в эту яму и утонул.

Конечно, я не говорил Соланж, чем занят в те дни, когда не вижу с ней; должен признаться, я сам вначале чувствовал такое отвращение к этим человеческим останкам! Я боялся прибавить им своими опытами страдание после казни. Но убеждал себя, что исследования, которым предаюсь, делаются для блага общества, и если мне удастся внушить свои убеждения собранию законодателей, то это поведет к отмене смертной казни.

Я решил производить опыты и дальше с помощью гальванизма и электричества. Мне предоставили на кладбище Кламар головы и трупы казненных. Для меня устроили лабораторию в часовне на углу кладбища.

Вы знаете, что после того, как изгнали королей из дворцов, изгнали Бога из церквей.

У меня была электрическая машина и два или три инструмента, которые назывались возбуждителями. В 5 часов появлялось похоронное шествие. Трупы бросали как пополам на телегу, головы вперемежку в мешок.

Александр ДЮМА

ПОЦЕЛУЙ МЕРТВОЙ ГОЛОВЫ

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ ДЮМА-ОТЦА

Да, и это дало мне возможность убедиться в вашей значимости.

— О, к сожалению, значимость моя невелика. Но у меня есть друзья.

— Я познакомилась сегодня с одним из них.

— И вы знаете, что этот человек из очень влиятельных.

— Вы можете воспользоваться этим влиянием и посодействовать бегству моего отца?

— Нет, я сохраняю его для вас. А для вашего отца найдется другое средство. Если я спасу его, сохраните ли в добрую память обо мне?

— О, я буду вам признательна всю жизнь!

Она произнесла эти слова с восхитительным выражением. Затем, посмотрев на меня умоляюще, спросила:

— И вы этим удовлетворитесь?

— Да.

— Итак, я не ошиблась, у вас благородное сердце. Благодарю вас от имени отца и от своего, и если бы даже вам не удалось ничего сделать для меня в будущем, я буду признательна вам за прошлое.

— Когда мы увидимся, Соланж?

— А когда вам нужно увидеть меня?

— Завтра, надеюсь, смогу сообщить вам кое-что приятное.

— Хорошо! Увидимся завтра. Здесь, если угодно.

— Здесь, на улице?

— Боже мой! Это самое безопасное место. Вот уже полчаса, как мы болтаем у этих дверей, и никто еще здесь не прошел.

— Отчего же мне не придти к вам или вам ко мне?

— Если вы придете ко мне, то скомпрометируете тех добрых людей, которые дали мне убежище, а если я к вам, то скомпрометирую вас.

— Ну хорошо! Я возьму пропуск у одной моей родственницы и передам его вам.

— Гильотинируют вашу родственницу, если я буду случайно арестована.

— Вы правы, я принесу пропуск на имя Соланж.

— Чудесно! Скоро Соланж будет моим единственным настоящим именем.

— В котором часу мы увидимся?

— Как сегодня. В 10 часов, если угодно.

— Хорошо, в 10 часов без 5 минут вы подойдете к двери.

Я хотел поцеловать ее руку, она подставила лоб.

На другой день вечером в половине 10-го я был на улице. В три четверти 10-го Соланж

Ну скажите, что он обещал?

— Обещал помочь нам. Клебер назначил его главнокомандующим Западной армией. Он уезжает завтра вечером.

— Но мы не успеем ничего приготовить!

— Нам нечего готовить.

— Я не понимаю.

— Он возьмет вашего отца в качестве секретаря. Когда они приедут в Вандею, ваш отец даст честное слово, что не будет воевать против Франции, и ночью перейдет в вандейский лагерь, из Вандеи отправится в Бретань, затем в Англию. Как только устроится в Лондоне, уведомит вас, я достану вам паспорт, и вы отправитесь в Лондон.

— Завтра! — воскликнула Соланж. — Завтра мой отец уедет!

— Но вам нельзя терять время. Предупредите его. У вас пропуск, и вот вам моя рука.

— Да, правда. Мой пропуск!

Я вручил его. Она положила его за корсаж.

— Теперь вашу руку.

Я дал свою руку, и мы отправились. Дошли до площади Таран, до того места, где я встретил ее накануне.

— Подождите меня здесь, — сказала она.

Я поклонился и стал ждать. Она исчезла за углом старинного отеля Малиньон. Через четверть часа вернулась.

— Пойдемте, отец хочет повидаться с вами и поблагодарить.

Она взяла меня под руку и мы пошли на улицу Гильом, против отеля Мортемар. Подойдя к дому, она вынула ключ, открыла маленькую боковую дверь, взяла меня за руку, провела на 2-й этаж и постучала особым образом. Человек лет 48 или 50 открыл дверь, он был одет как рабочий и, по-видимому, занимался переплетным мастерством.

— Сударь, — сказал он, — ...Провидение послало нам вас, и я смотрю на вас как на посла Провидения. Правда ли, что вы можете меня спасти, а главное, что хотите спасти?

Я все рассказал ему. Сказал, что Марсо поручил привести его в качестве секретаря и требует лишь одного обещания: не сражаться против Франции.

— Охотно даю это обещание и повторю его. Когда уезжает Марсо?

— Завтра.

— Должен ли я отправиться к нему сегодня ночью?

— Когда вам угодно. Он будет ждать.

Отец и дочь переглянулись.

— Благоразумнее отправиться сегодня вечером, — сказала Соланж.

— Но если меня останавливают, у меня нет

Это я устрою. Когда вам будет угодно, Соланж, — ответил я с грустью.

— Надо еще узнать, куда мне ехать. О, вы еще не скоро отделаетесь от меня.

Я взял ее руку, прижал к сердцу. Прикоснувшись губами к ее лбу, я не только прижал ее руку, я прижал трепещущую грудь и ее бьющееся сердце.

Я шел домой, у меня на душе было весело, как никогда. Было ли то сознание доброго поступка, который я совершил, или я уже полюбил это очаровательное создание, — не знаю.

Не знаю, спал я или бодрствовал, во мне как бы жила вся гармония природы; ночь тянулась бесконечно, день был длинен, я хотел, чтобы время летело, и хотел задержать его, чтобы не потерять ни минуты из тех дней, какие мне остаются пережить.

На другой день в 9 часов я был на улице Феру. В половине 10-го появилась Соланж. Она подошла и обняла меня.

— Спасен! Мой отец спасен, и вам я обязан его спасением! О, как я люблю вас!

Через 2 недели Соланж получила письмо о том, что ее отец в Англии.

На другой день я принес ей паспорт, Соланж залилась слезами.

— Вы меня не любите!

— Я вас люблю больше жизни. Но я дал слово вашему отцу и прежде всего должен сдержать слово.

— Тогда я не сдержу слова. У тебя хватает духу отпустить меня, а я не в состоянии покинуть тебя.

Увы! Она осталась. Три месяца прошло с того вечера, и между нами не произнесено было ни одного слова о разлуке.

Соланж пожелала найти для себя квартиру на улице Таран. Я нанял квартиру на имя Соланж. Я не знал для нее другого имени, и она не знала для меня другого имени, кроме Альберта. Я поместил ее в качестве помощницы учительницы в женский пансион, чтобы избавить от слежки очень деятельной в то время революционной полиции.

Воскресенье и четверг мы проводили в маленькой квартирке на улице Таран: из окна спальни видна была площадь на которой мы встретились в 1-й раз. Каждый день мы получали письма: одно на имя Соланж, другое на имя Альберта. Эти три месяца были самыми счастливыми в моей жизни.

Однако я не оставлял своего намерения, явившегося у меня во время разговора с помощником палача. Я получил разрешение проводить опыты над продолжением жизни

Я брал наугад одну или две головы и один или два трупа, остальное — в общую яму Брат помогал мне во время опытов.

Несмотря на близкое соприкосновение со смертью, любовь моя к Соланж росла с каждым днем. Я мечтал сделать ее своей женой, мы говорили о счастье этого брака, но чтобы стать моей женой, Соланж должна была объявить свое имя, а имя эмигранта, аристократа, изгнанника несло в себе смерть.

Отец несколько раз писал ей, просил ускорить отъезд. Она сообщила ему о нашей любви, просила согласия на брак; он дал его; все шло хорошо с этой стороны.

Среди ужасных процессов один процесс, самый ужасный изо всех, нас особенно опечалил. Это был процесс Марии-Антуанетты.

Процесс начался 4 октября и подвигался быстро: 14 октября Мария-Антуанетта предстала перед революционным трибуналом, 16-го в 4 часа утра огласили приговор, в тот же день в 11 часов она взойшла на эшафот.

Я пришел в 2 часа в нашу маленькую квартиру на улице Таран и застал Соланж в слезах.

Я сам был глубоко огорчен этой казнью. Королева была добра ко мне в моей молодости, и я сохранил глубокое воспоминание о ее доброте.

О, я всегда буду помнить этот день! Это было в среду: в Париже царила не только печаль, но и ужас. Я чувствовал странный упадок духа: томило предчувствие нового несчастья. Я старался ободрить Соланж, которая плакала в моих объятиях; у меня не хватало для нее слов утешения, так как и в сердце моем утешения не было.

Мы провели, как всегда, ночь; наша ночь была еще печальнее дня. Помню, что до 2 часов утра в квартире над нами была запертая собака.

Утром мы навели справки. Оказалось, что ее хозяин ушел и унес с собой ключ; его арестовали на улице, повели в революционный суд, в 3 часа вынесли приговор, а в 4 казнили.

Надо было расстаться. Уроки у Соланж начинались в 9 часов утра. Пансион ее находился около Ботанического сада. Мне не хотелось отпускать ее. Ей не хотелось расставаться со мною. Но пребывание в течение 2 дней вне дома могло бы навести на распросы, очень опасные в то время для Соланж.

Я кликнул экипаж и проводил ее до угла Фоссе-Сен-Бернард; вышел из экипажа, она поехала дальше. Я провел день в писании писем Соланж;

(Окончание на стр. 15).